

*В вековом искании света,
В тине пошлости и зла
Доля русского поэта
Бесконечно тяжела.*

1898

*Но люди неразумны. Потому
Законы жизни вписаны не в книгах,
А выкованы в дулах и клинках,
В орудьях истребления и машинах.*

1923

*Я ж делал всё, чтоб братьям помешать
Себя — губить, друг друга — истреблять...*

1926

Максимилиан Волошин: поэт-гуманист

Жизнь Максимилиана Волошина (1877–1932) была наполнена непрерывным поиском света, истины и счастья для человечества. Вера в добро, любовь к людям и уверенность в правильности своих действий позволили ему миновать прямые угрозы для собственной жизни во время гражданской войны в Крыму, скрывать от преследований поочередно то красных, то белых, спасти собственный дом и библиотеку, превратив их в оазис добра и света в виде дома творчества писателей и художников, помочь соседям спасти их имущества, хранившие целые музеи, и выполнить множество других спасательных и спасительных действий.

Равнина вод колыхается широко,
Обведена серебряной каймой.
Мутится мыс, зубчатую стеной
Ступив на зыбь расплавленного тока.
Туманный день раскрыл золотое око,
И бледный луч, расплёсканный волной,
Скользит, дробясь над мутной глубиной,
То колос дня от пажитей востока.
В волокнах льна златится бледный круг
Жемчужных туч, и солнце, как паук,
Дрожит в сетях алмазной паутины.
Вверх обрати ладони тонких рук
К истоку дня! Стань лилией долины,
Стань стеблем ржи, дитя огня и глины!

1907

Максимилиан Александрович Волошин-Кириенко родился 16 мая 1877 г. в Киеве. Его родители — известный юрист Александр Максимович (1838–1881) и переводчица Елена Оттобальдовна (1850–1923), сильная, жесткая и эмансипированная дама. В детстве мальчик жил в Киеве, Севастополе и Таганроге, с четырех лет — в Москве: на Большой Грузинской, Долгоруковской, в Ваганькове, Волконском переулке, летом — на дачах в Троекурове на р. Сетуни, в с. Матвейково Звенигородского уезда. Видел, как работает на этюдах художник В.И. Суриков, и запомнил это навсегда. С раннего детства любил читать книги,

декламировать стихи, рассматривать иллюстрации, отличался четкостью и зрелостью суждений, склонностью к мистике и сверхъестественным явлениям. Большую роль в его воспитании сыграл домашний учитель Никандр Туркин (1863–1919), тогда студент, а затем один из первых отечественных кинорежиссеров, снимавший Владимира Маяковского, он же — «крестный отец» В.Ф. Комиссаржевской.

Карадаг

Преградой волнам и ветрам
Стена размытого вулкана,
Как воздымающийся храм,
Встаёт из сизого тумана.
По зыбям меркнувших равнин,
Томимым неуёмной дрожью,
Направь ладью к её подножью
Пустынным вечером — один.
И над живыми зеркалами
Возникнет тёмная гора,
Как разметавшееся пламя
Окаменелого костра.
Из недр изверженным порывом,
Трагическим и горделивым,
Взметнулись вихри древних сил —
Так в буре складок, в свисте крыл,
В водоворотах снов и бреда,
Прорвавшись сквозь упор веков,
Клубится мрамор всех ветров —
Самофракийская Победа!

14 июня 1918

Учеба в двух московских, а затем в феодосийской гимназии (в 1893 г. вместе с матерью он поселяется в Коктебеле, как оказалось, навсегда), оказалась тяжелым испытанием. Несмотря на поразительную начитанность, аналитический ум и способности, учился Волошин очень плохо. Но с 1890 г. писал стихи. Круг его чтения необычайно широк — от античности и Шекспира до Фламариона. Не только пишет стихи, но и участвует в любительских спектаклях.

Обманите меня... но совсем, навсегда...
Чтоб не думать зачем, чтоб не помнить когда...
Чтоб поверить обману свободно, без дум,
Чтоб за кем-то идти в темноте наобум...
И не знать, кто пришёл, кто глаза завязал,
Кто ведёт лабиринтом неведомых зал,
Чьё дыханье порою горит на щеке,
Кто сжимает мне руку так крепко в руке...
А очнувшись, увидеть лишь ночь и туман...
Обманите и сами поверьте в обман.

1911

Окончив таки гимназию, Волошин в 1897 г. поступает на юридический факультет Московского университета, но участие в студенческих выступлениях дважды приводит к его исключению. Его сажают в тюрьму в Харькове, затем на две недели в Москве, после чего он делает перерыв в занятиях и отправляется на строительство железной дороги Ташкент — Оренбург. В 1899–1901 г. совершает три больших путешествия по Европе (Краков, Вена, Италия: от озера Комо до Бриндизи, Швейцария, Париж, Берлин, Австро-Венгрия, Афины, Константинополь, Испания, Андорра, о. Майорка). Его «дело» оставлено без последствий, но поэт решает ехать учиться в Европу и слушает лекции в Сорбонне, Лувре, занимается в Париже живописью, знакомится с художницей Е.С. Кругликовой и поэтом К.Д. Бальмонтом. С тех пор его жизнь протекает между Европой и Коктебелем (особенно с 1907 г., после покупки там собственного дома), с не очень продолжительными возвращениями в Москву и Петербург.

Как нет изобретателя, который,
Чертя машину, ею не мечтал
Облагодетельствовать человека,
Так нет машины, не принесшей в мир
Тягчайшей нищеты
И новых видов рабства.

.....

Машина — победила человека:
Был нужен раб, чтоб вытирать ей пот,
Чтоб умащать промежности елеем,
Кормить углём и принимать помёт.
И стали ей тогда необходимы;
Кишащий сгусток мускулов и воль,
Воспитанных в голодной дисциплине,
И жадный хам, продешевивший дух
За радости комфорта и мещанства.

....

1922

Во время одного из таких наездов он оказывается в Петербурге во время «кровавого воскресенья» 9 января 1905 г. Это событие и последовавшие за ним жестокости первой русской революции убедили его в неизмеримой ценности человеческой жизни. В 1906 г. он женится на художнице и поэтессе М.В. Сабашниковой (1882–1973). Несмотря на краткость (один год) брака, они остались друзьями до самого ухода Волошина. В Петербурге он примыкает к символистам и вскоре становится одним из самых ярких деятелей литературной жизни начала XX века, осуществляя связи между Европой и Россией. Особенно ему нравится Париж.

Дождь

В дождь Париж расцветает,
Точно серая роза...
Шелестит, опьяняет
Влажной лаской наркоза.
А по окнам танцую
Всё быстрее, быстрее,

И смеясь и ликуя,
Вьются серые феи...
Тянут тысячи пальцев
Нити серого шёлка,
И касается пяльцев
Торопливо иголка.
На синеющем лаке
Разбегаются блики...
В проносящемся мраке
Замутились их лики...
Сколько глазок несхожих!
И несутся в смятенье,
И целуют прохожих,
И ласкают растенья...
И на груды соковищ,
Разлитых по камням,
Смотрят морды чудовищ
С высоты Notre-Dame...

1904

В 1909 г. Волошин вместе с поэтессой В.В. Дмитриевой осуществляет знаменитую литературную мистификацию. В журнале «Аполлон» они публикуют стихи таинственной испанки Черубины де Габриак. После разоблачения разражается скандал, и Волошин даже стреляется на дуэли с Николаем Гумилевым. Никто не пострадал, но добрые отношения не восстановились.

В эти дни

И. Эренбургу

В эти дни великих шумов ратных
И побед, пылающих вдали,
Я пленён в пространствах безвозвратных
Оголтелой, стынущей земли.
В эти дни не спазмой трудных родов
Схвачен дух: внутри разодран он
Яростью сгрудившихся народов,
Ужасом разъявщихся времён.
В эти дни нет ни врага, ни брата:
Всё во мне, и я во всех; одной
И одна — тоскою плоть объята
И горит сама к себе враждой.
В эти дни безвольно мысль томится,
А молитва стелется, как дым.
В эти дни душа больна одним
Искушением — развоплотиться.

1915

В 1914 г. Волошин, как и Андрей Белый, увлекается антропософией и едет с Сабашниковой в Дорнах (Швейцария) на строительство Гётеанума (см. *“Geograph” № 1 (56) 2022*). Он предчувствует надвигающуюся беду... Военный Париж 1915–1916 гг. оказывает на

него глубокое впечатление, как и вся трагедия первой мировой войны, что отражается в цикле антивоенных стихов.

Газеты

Я пробегаю жадным взглядом
Вестей горючих письмена,
Чтоб душу, влажную от сна,
С утра ожечь ползучим ядом.
В строках кровавого листа
Кишат смертельные трихины,
Проникновенны, лезвиины,
Неистребимы, как мечта.
Бродила мщенья, дрожжи гнева,
Вникают в мысль, гниют в сердцах,
Туманят дух, цветут в бойцах
Огнями дьявольского сева.
Ложь заволакивает мозг
Тягучей дрёмой хлороформа
И зыбкой полуправды форма
Течёт и лепится, как воск.
И, гнилостной пронизан дрожью,
Томлюсь и чувствую в тиши,
Как, обезболенному ложью,
Мне вырезают часть души.
Не знать, не слышать и не видеть...
Застыть, как соль... уйти в снега...
Дозволь не разлюбить врага
И брата не возненавидеть!

1915

Он пишет письмо военному министру Сухомлинову, что не может служить в армии по убеждениям, и 1916 г., уже в России, его признают негодным к военной службе. Но главные испытания впереди...

На дне преисподней

С каждым днем всё диче и всё глуше
Мертвенная цепенеет ночь.
Смрадный ветер, как свечи, жизни тушит:
Ни позвать, ни крикнуть, ни помочь.
Тёмен жребий русского поэта:
Неисповедимый рок ведёт
Пушкина под дуло пистолета,
Достоевского на эшафот.
Может быть, такой же жребий выну,
Горькая детоубийца, — Русь!
И на дне твоих подвалов сгину,
Иль в кровавой луже поскользнусь, —
Но твоей Голгофы не покину,
От твоих могил не отрекусь.

Доконает голод или злоба,
Но судьбы не избери иной:
Умирать, так умирать с тобой
И с тобой, как Лазарь, встать из гроба!

12 января 1922

В 1918 г. Волошин отказался бежать из Крыма и укрывал в своем доме в Коктебеле представителей обеих враждующих армий, хлопотал об охранных грамотах для галереи Айвазовского, для Карадагской биологической станции, для соседних имений.

И не смолкает грохот битв
По всем просторам южной степи
Средь золотых великолепий
Конями вытоптаных жнив.
И там, и здесь между рядами
Звучит один и тот же глас:
— «Кто не за нас — тот против нас!
Нет безразличных: правда с нами!»
А я стою один меж них
В ревущем пламени и дыме
И всеми силами своими
Молюсь за тех и за других.

1919

Ему пришлось временно уезжать в Симферополь, укрываясь от нависшей угрозы расстрела, потому что стихотворения с осуждением зверств гражданской войны широко расходились в списках.

Благоннадёжность, шпионаж, цензура,
Проскрипции, доносы и террор —
Вот достижения
И гений революций!

13 апреля 1922

Во время голода в Крыму (1920–1921) он пытался, и весьма успешно, способствовать спасению от голода писателей, художников, ученых.

И эта деятельность продолжалась и в последующие советские годы, которые для представителей творческих профессий не были, мягко говоря, сытыми. В доме Волошина бывало до 400 гостей. В их размещении и обихаживании ему деятельно помогала вторая супруга М.С. Заболоцкая (1887–1976), с которой он познакомился в трагическом 1919 г. Постепенно большую часть своего имения он отдал под дом творчества поэтов и писателей, который основал официально в 1924 г., а в 1931 г. передал ему дополнительные здания (Дом творчества Литфонда СССР, в настоящее время не существует). Несмотря на назначенную осенью 1931 г. пенсию, стихи Волошина в СССР не издавались с 1928 по 1961 г.

Умер поэт-гуманист 11 августа 1932 г. от астмы, воспаления легких и последствий перенесенного в 1929 г. инсульта. Он похоронен на горе Кучук-Енишар в своем любимом Коктебеле.

Душевные качества поэта удивляли и восхищали современников, продолжают восхищать и нас. Его прозорливость заставляет вспомнить мнения гостей «дома поэта»,

видевших в нем, как и в Данииле Хармсе, экстрасенсорные способности. И Максимилиан Волошин навсегда остался в отечественной поэзии не только как литератор и художник, но и как Человек.

Ветшают дни, проходит человек.
Но небо и земля — извечно те же.
Поэтому живи текущим днём.
Благослови свой синий окоём.
Будь прост, как ветер, неистощим, как море,
И памятью насыщен, как земля.
Люби далекий парус корабля
И песню волн, шумящих на просторе.
Весь трепет жизни всех веков и рас
Живет в тебе. Всегда. Теперь. Сейчас.
1926

При подготовке текста использованы:
Максимилиан Волошин. Стихотворения. СПб.: Азбука, Азбука-классика, 2022. 224 с.